

РАЗДЕЛ 7
«МЯГКАЯ СИЛА» И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА
В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ СЛУЖБА В СТАНОВЛЕНИИ УЧЕНЫХ:
О.И. СЕНКОВСКИЙ, О.М. КОВАЛЕВСКИЙ, А.О. МУХЛИНСКИЙ, В.В. МАКУШЕВ

С.Ф. Шимукович (Минск)

В XIX в. некоторые из ученых – уроженцев белорусских земель на старте карьеры были тесно связаны с Министерством иностранных дел Российской империи и проходили свою службу в разных дипломатических учреждениях. Карьерные траектории этих лиц складывались по-разному, например, И.А. Гошкевич (1814–1875) всю жизнь посвятил дипломатической службе, а его научные изыскания были связаны со служебной необходимостью и заключались в составлении русско-японского словаря и грамматики. На сегодняшний день деятельность И.А. Гошкевича исследована российскими и белорусскими специалистами [4; 7].

Несколько большее число ученых начинали свою карьеру в дипломатическом ведомстве, но позднее полностью ушли в науку либо культурную деятельность, некоторые ученые, не будучи дипломатами, в ходе зарубежных научных командировок выполняли дипломатические поручения российского правительства. Среди наиболее ярких ученых можно отметить О.И. Сенковского, О.М. Ковалевского, А.О. Мухлинского, В.В. Макушева и других.

По окончании университета только единицы из выпускников получали предложение остаться для подготовки к профессорскому званию, основная масса выпускников получали чин XII ранга (если выпускник получал степень кандидата – X ранга) и возможность устроиться на гражданскую службу, в том числе дипломатическую [9, с. 207]. Отработка на государственной службе была обязательна для лиц, обучавшихся за казенный счет.

Осип Сенковский (1800–1858) обучался в Виленском университете, где показал выдающиеся способности. Ф.В. Булгарин, который жил в Вильно в 1819 г., вспоминал: «...О.И. Сенковского, весьма молодого человека, признавали необыкновенным явлением в ученном мире, и все старались с ним познакомиться» (цит. по: [8, с. 179]). В университете он увлекся восточными языками, для усовершенствования в которых совершил путешествие по Ближнему Востоку, по возвращению его ждала кафедра восточных языков в Виленском университете [3, с. 14–15]. Польскому научному сообществу, профинансировавшему путешествие, он предоставил отчеты о своем путешествии, подготовил польско-турецкую грамматику и словарь, собрал все возможные сведения о связях Польши с Турцией и другими странами Ближнего Востока, представив их в виде законченного исследования.

Уже в начале путешествия О.И. Сенковский поступил на службу в русскую дипломатическую миссию в Константинополе, что давало определенные преимущества в логистике путешествия и дополнительное финансирование в виде жалования. Как пишет В. Каверин, предложение русского посла

в Константинополе Г.А. Строганова «...открывало ему перспективу блестящей дипломатической карьеры» [3, с. 21]. Честолюбивые устремления молодого человека проще было реализовать в столице империи, поэтому выжав максимум из своего путешествия, О.И. Сенковский в 1821 г. возвращается не в Вильно, а в Петербург, был зачислен на службу переводчиком Коллегии иностранных дел. В 1822 г. его назначают ординарным профессором Петербургского университета сразу по двум кафедрам – арабского и турецкого языков, таким образом Сенковский стал самым молодым профессором за всю историю университета [3, с. 22–24; 9, с. 202; 10, с. 28–29].

В должности ординарного профессора восточных языков столичного университета он продолжал получать жалование и по званию переводчика при Константинопольской миссии, как минимум – по 1837 г. [14]. В период очередных осложнений русско-турецких отношений, опыт профессора оказался востребован, в 1828–1829 гг. им для действующей армии была подготовлена «Карманная книга для русских воинов в турецких походах», где в двух частях раскрывались основные правила разговорного турецкого языка [11]. Пособие оказалось очень удачным и переиздавалось в 1854 г. Однако определенное недоверие к Сенковскому, связанное с его «польским» происхождением, и особенно его непростой характер не позволили амбициозному молодому ученому сделать блестящую карьеру на государственной службе, в итоге в середине 1840-х гг. он уходит из университета и занимается журналом «Библиотеки для чтения», становится одним из влиятельнейших издателей и писателей своего времени.

Если О.И. Сенковский свой выбор в пользу государственной службы и российского университета сделал осознанно, то причастность О.М. Ковалевского (1801–1878) к выполнению дипломатических функций имела вынужденный характер. Его, выпускника Виленского университета, специализировавшегося в классической филологии, члена общества филоматов, по решению суда в 1824 г. выслали в Казань, но с возможностью заниматься восточными языками в местном университете. Таким образом, специализация О.М. Ковалевского была вынужденной, навязанной внешними обстоятельствами. Тем не менее, он полностью погрузился в изучение монгольского языка и стал ведущим специалистом в этой сфере. В 1828–1833 гг. он совершил многолетнее путешествие по Сибири и Дальнему Востоку, в ходе которого посетил Пекин, где был прикреплен запасным переводчиком к конвою X-ой духовной миссии¹. Ковалевский регулярно направлял из Пекина письма и отчёты в Казань и Петербург, некоторые из них были опубликованы, но едва не стали причиной дипломатических осложнений с Китаем, в них раскрывались некоторые неприемлемые аспекты деятельности миссии (например, топографическая съёмка китайской территории) [2, с. 150–161]. В дальнейшем карьера О.М. Ковалевского не была напрямую связана с Министерством иностранных дел, однако созданная им школа

¹ В первой половине XIX в., в период, когда официальные дипломатические отношения между Россией и Китаем отсутствовали, Русская Духовная миссия в Пекине выполняла функции неофициального представительства российского правительства. Одновременно Духовная миссия стала важным центром российской синологии.

русского монголоведения и подготовленные ученики способствовали успешным дипломатическим усилиям империи на восточном направлении.

На восточном (турецком) направлении российской дипломатии отметился еще один выпускник Виленского университета – А.О. Мухлинский (1808–1877). После окончания университета в Вильно (1828 г.) он изучал восточные языки на восточном факультете Петербургского университета, среди его учителей был О.И. Сенковский. Интерес к восточным языкам был обусловлен происхождением А.О. Мухлинского – он был из мусульманской семьи «литвинских» татар. В 1832 г. он был определен в русское посольство в Константинополе для совершенствования в турецком языке, а находясь в Каире в 1834–1835 гг. изучал арабский в университете при каирской мечети аль-Азхар, примерно в это время он подготовил отчет для своих кураторов о настроениях среди сирийских мусульман и их отношении к России [10, с. 30; 12]. По возвращении в Россию А.О. Мухлинский возглавил кафедру турецкого языка на восточном отделении Петербургского университета, которое готовило кадры для русского МИДа. Хорошее знание профессором специфики региона оказалось востребовано российской дипломатией еще раз, в 1869 г. когда А.О. Мухлинского командировали в Египет для присутствия при торжественном открытии Суэцкого канала [13].

Во первой половине XIX в. важным регионом для Российской империи становятся Балканы, что было связано с ослаблением Османской империи и активизацией национально-освободительной борьбы южных славян. Интерес государства к Балканам сочетался с процессами в обществе, где ширились идеи славянофильства и панславизма. Славистика становится модным и востребованным направлением научных исследований в России. Заметный след в изучении балканского региона оставил В.В. Макушев (1837–1883), уроженец Бреста. Он рано остался сиротой, образование получил в Петербурге, ему покровительствовал князь М.В. Кочубей, сын известного дипломата. По окончании столичного университета, в 1861 г. В.В. Макушев поступил на службу в азиатский департамент МИДа, а в 1862 г. он был назначен секретарем русского консульства в Дубровнике, где прослужил до 1 января 1866 г. [1, с. 77].

Выполнение дипломатических функций Макушев сочетал с научными изысканиями, результатом которых стал «Очерк дипломатических сношений России с Дубровницкою республикою» и магистерская диссертация «Об исторических памятниках и бытописателях Дубровника» [1, с. 78]. Избрав в качестве приоритета научную карьеру, ученый в 1868–1871 гг. находился в научной командировке по линии Министерства народного просвещения, в ходе которой изучал балканских славян, но больше всего внимания он уделил работе в итальянских архивах. Его научные публикации отличались ясностью стиля и опорой на источники, ранее не известные ученому сообществу, к концу командировки несколько университетов предложили ему кафедры славянской филологии. С 1871 г. В.В. Макушев работал в Варшавском университете, где солидаризировался с А.С. Будиловичем и П.А. Кулаковским в политике «обрусения» университета [6, с. 92, 95].

При разработке учебных курсов и написании научных работ В.В. Макушев опирался на огромный фактический материал, собранный им в ходе дипломатической работы в Дубровнике и по итогам научных командировок по

балканскому региону. Интерес представляет его комплементарное описание борьбы словенцев (их земли входили в состав Австро-Венгерской империи) за свои национальные права. Так, Макушев с одобрением отмечает пользу деятельности Я. Блейвейса, важную роль издаваемой им на словенском языке прессы (газета «Люблянские Новицы»), введение словенского языка в систему образования и в богослужебные практики. Ученый критиковал онемеченных ренегатов из числа словенцев (так называемых немшкуратов) за их презрение к словенскому языку, за отказ от национально-культурной автономии [5]. Однако подобные мысли в отношении славянских народов Российской империи он не допускал, ученый отмечал, что «подчиняет интересы славянства интересам России» [1, с. 81], что характеризовало его несколько пристрастное отношение к славянским национальным движениям.

Таким образом, дипломатическая служба и выполнение поручений дипломатических учреждений Российской империи сыграли важную роль в становлении ряда ученых – уроженцев белорусских земель в XIX в. Дипломатическая работа способствовала накоплению фактического материала, на основе которого развивались в дальнейшем индивидуальные научные траектории ученых.

Источники и литература:

1. Будилович, А.В. В. Макушев (Некролог) / А. Будилович // Журнал Министерства народного просвещения. – 1883. – Ч. ССХХVI. – С. 76–83.
2. Валеев, Р.М. Монголовед О.М. Ковалевский: биография и наследие (1801–1878) / Р.М. Валеев [и др.]. – Казань : Алма-Лит, 2004. – 288 с.
3. Каверин, В. Барон Брамбеус. История Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения» / В. Каверин. – Л. : Изд-во писателей, 1929. – 256 с.
4. Кузнецов, А. П. Вклад И.А. Гошкевича в становление русско-японских отношений в XIX веке / С.-Петербург. госуд. ун-т ; науч. ред. Л.В. Зенина. – СПб. : 100 Аж, 2007. – 128 с.
5. Макушев, В.В. Словенцы. Из путевых воспоминаний [Электронный ресурс] / В.В. Макушев // Русский вестник. Журнал литературный и политический, издаваемый М. Катковым. – 1872. – № 7. – Режим доступа: http://az.lib.ru/m/makushew_w_w/text_1872_sloventzy_olderfo.shtml. – Дата обращения: 10.04.2022.
6. Никифорова, О.А. Образовательная и политическая деятельность А.С. Будиловича в Царстве Польском (1881–1892 гг.) / О.А. Никифорова // Славяноведение. – 2011. – № 3. – С. 90–97.
7. Обухова, Н.И. Иосиф Антонович Гошкевич – миссионер, дипломат, лингвист, востоковед / Н. И. Обухова ; ГУО «Мин. обл. ин-т развития образования» / Н.И. Обухова. – Минск : МОИРО, 2019. – 71 с.
8. Рейтблат, А.И. Фаддей Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: ст. и мат-лы / А.И. Рейтблат. – М. : Новое литературное обозрение, 2016. – 632 с.
9. Ростовцев, Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.) / Е.А. Ростовцев. – М. : Полит. энцикл., 2017. – 903 с.
10. Смирнова, Е.В. Подготовка отечественных востоковедов и русско-арабская коммуникация (первая половина XIX века) / Е.В. Смирнова // Человеческий капитал / Ин-т востоковед. РАН. – М., 2019. – № 7(127). – С. 26–33.
11. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). – Ф. 14. Оп. 1. Д. 1521.
12. ЦГИА СПб. – Ф. 14. Оп. 1. Д. 3965.
13. ЦГИА СПб. – Ф. 14. Оп. 1. Д. 6792.
14. ЦГИА СПб. – Ф. 14. Оп. 3. Д. 5636.